

Огнестрельное оружие!

Гу Янь резко повернулся в сторону горы, он мгновенно посуровел.

— Часть людей остается здесь охранять детей, — отрывисто скомандовал он. — Остальные — за мной, наверх!

Поисковый беспилотник бесшумно скользнул над их головами, устремляясь к вершине на разведку.

А на самом верху, среди скал, стоял Янь Пин. Его одежда пропиталась кровью. За его спиной темнела глубокая ниша в валуне, похожая на неглубокую пещеру, — именно там укрылись дети.

Трудно было поверить, но один человек, безоружный и израненный, преградил путь вооруженным похитителям, и те не смели сделать к укрытию ни шагу. На земле в разных позах застыли трое бандитов. Для двоих оставшихся Янь Пин казался непреодолимой стеной — живым щитом, преградившим дорогу.

Кровь тяжелыми каплями падала на камни. Сквозь прореху в тяжелых тучах пробился тусклый луч лунного света. Янь Пин чуть приподнял голову, заметив приближающийся беспилотник. В его темных, до этого момента абсолютно спокойных глазах на миг отразилось что-то пугающее и потустороннее.

— Дядя, я помогу! — из-за валуна вдруг выскочил маленький Ван Юй. Вскинув над головой тяжелый обломок камня, он бесстрашно бросился вперед.

Грохнул выстрел. То ли от слепой ярости, то ли от унижения — ведь их, вооруженных мужчин, сдерживал один-единственный безоружный противник, — но один из бандитов потерял голову. Он резко перевел дуло на семилетнего ребенка и спустил курок.

Янь Пин предугадал это движение еще до того, как похититель положил палец на спуск. Одновременно он услышал приближающиеся шаги полицейских. Решение пришло мгновенно.

Мысленно приказав системе разорвать связь с Черным котом, чтобы затормозить мгновенную регенерацию, он рывком бросился наперерез мальчику.

В тот миг, когда Гу Янь взлетел на вершину, он встретился взглядом с Янь Пином. Всего на долю секунды — но капитан почувствовал ледяной озноб, а волосы на руках встали дыбом.

Это были невероятно красивые глаза. Но они пугали — этот взгляд напоминал иссиня-черную бездну перед самым началом сокрушительного цунами или ослепительную вспышку солнца на обрушивающейся снежной лавине. Разум замирал в восхищении, а в следующий миг он

начинал чувствовать смертельную опасность.

Пуля вошла Янь Пину в спину, вырвав фонтан алых брызг. Закрывая собой ребенка, он вместе с ним покатился вниз по крутому, каменистому склону.

— Брат! — истошно закричал Бай Фан, выскочивший на поляну вместе с оперативниками. Он рванулся следом, но он поскользнулся на влажной траве, и юноша кубарем полетел вниз по круче.

Оставив часть группы вязать уцелевших похитителей, Гу Янь во главе штурмового отряда бросился на помощь сорвавшимся.

Когда они спустились, Янь Пин уже лежал без сознания. На его спине расплывалось огромное кровавое пятно. Прижатый к его груди мальчик отделался легким испугом и парой царапин.

Ли Сюэ и другие оперативники замерли в благоговейном молчании, преисполненные глубокого уважения к этому человеку. Но капитан Гу Янь испытывал совсем иные чувства. На смену потрясению пришла глухая, гложащая тревога.

Он поднял взгляд на вершину, где его люди выводили из пещеры напуганных детей, затем снова посмотрел на распростертого на земле Янь Пина.

За плечами Гу Яня была военная служба, суровая школа выживания в горячих точках, где он не раз заглядывал смерти в лицо. И сейчас перед ним лежал тяжелораненый, беспомощный гражданский, но интуиция капитана била в набат, заставляя его внутренне подобраться.

Этому не было логических объяснений. Только звериное чутье, которое никогда его не подводило.

С первыми лучами рассвета обычно тихое и строгое здание полицейского участка наполнилось невообразимым шумом. Детский плач смешивался с рыданиями облегчения и восторженными благодарностями родителей. Уставшие за ночь полицейские смотрели на эту картину с затаенной нежностью и комом в горле. Слава богу, успели. Вся изнурительная ночная работа окупилась в одно мгновение.

— А где капитан? — спросил Чжан Ю.

— Всё еще в госпитале, — отозвалась Чжао Юнь. — Тот парень, что прикрыл детей, получил пулю. Его экстренно госпитализировали, сейчас борются за жизнь.

— Вот это мужик! — восхитился Чжан Ю. — Мало того что детей спас, так еще и в одиночку против пятерых выстоял, троих уложил! Нам бы такие кадры в убойный отдел. Позже обязательно навечу его в палате.

— Потихе ты, — осадила его Чжао Юнь, недовольно зыркнув на напарника, но тут же помрачнела. — Капитан предупредил: старуха Ли ушла. Это банда жестоких, отчаянных ублюдков. Пока мы не переловим их всех до единого, имя спасителя нельзя разглашать. Опасно, могут отомстить. Только представь: человек рисковал жизнью, а теперь вынужден скрываться. Спасенные даже не узнают, кому обязаны жизнью. Каково ему будет с этим смириться?

— Безопасность превыше всего, придется ему потерпеть, — рассудительно вмешался пожилой оперативник Чжэн Тун. — Вот раскрутим эту цепочку, пересажаем всю шваль — тогда и воздадим герою по заслугам. Пресса о нем напишет, награду дадим. Нельзя, чтобы такие люди оставались безвестными, несправедливо это.

— И то правда, — кивнула Чжао Юнь, приободрившись.

В больничном коридоре перед операционной Гу Янь не сводил глаз с горящего красного табло. Пока шла операция, он успел затребовать личное дело Янь Пина. Ничего криминального за тем не числилось — обычный избалованный столичный мажор с сомнительной репутацией и скверным характером.

Но капитан не верил сухим отчетам.

Этот человек убивал. Гу Янь был готов поклясться в этом. Обыватель, оказавшись зажатым в угол вооруженными бандитами, не стал бы так ювелирно дозировать силу, чтобы обезвредить врагов и при этом оставить их в живых. Ранения преступников были тяжелыми, но не смертельными. Удары приходились по болевым точкам, на телах остались следы хаотичной схватки — порезы, ушибы, вывихи. Картина выглядела безупречно естественной.

Никаких профессиональных приемов, рассчитанных на мгновенную смерть. Никакой хирургической точности, выдающей мастера рукопашного боя. И все же Гу Яня не покидало ощущение фальши.

Раны самого Янь Пина он тоже осмотрел: многочисленные порезы, царапины от касательных попаданий, два пулевых отверстия — в плече и под лопаткой. В ночной неразберихе необученные стрелки редко попадают в яблочко, так что и здесь все сходилось.

Логика говорила, что перед ним обычный парень, проявивший чудеса храбрости. Но интуиция шептала иное. Тот мимолетный взгляд... В нем не было ни паники, ни страха перед лицом смерти. Лишь ледяное равнодушие человека, для которого пролитая кровь — обыденность.

Обычный человек, оказавшись под дулом огнестрельного оружия, испугался бы. Но Янь Пин смотрел на оружие так, словно видел его каждый день.

В беспмятстве Янь Пин видел сны. Картинки из далекого, почти стершегося прошлого всплывали перед глазами. Вот ему пять лет, и старший кузен ведет его за руку сквозь шумную толпу на Празднике фонарей.

Вспышка, толчея, пальцы кузена выскальзывают... А в следующий момент кто-то зажимает ему рот грубой ладонью, лишая возможности кричать, и уносит во тьму.

Сырой, пахнувший плесенью деревянный сарай, где держали похищенных детей. Там были и оборванцы из трущоб, и такие же, как он, барчуки в шелках и парче. Черствые лепешки, царапающие горло, мутная вода с привкусом глины, ледяной земляной пол вместо постели — для маленького Янь Пина, привыкшего к роскоши усадьбы, начался настоящий ад.

Но самым страшным сном наяву стала расправа над одним из богатых мальчиков, который попытался бежать. Его поймали и на глазах у всех детей забили палками, сломав руки и ноги, а затем прижгли горло раскаленным железом, чтобы лишить голоса. Изувеченного ребенка выбросили на улицу — побираться и приносить хозяевам медяки.

Этот ужас навсегда врезался в память Янь Пина.

Сам он рос удивительно красивым мальчиком, точно точеная нефритовая статуэтка. Это его и спасло от участи калеки: хозяева продали его за большие деньги бродячему театру. Из смазливового ребенка намеревались вырастить будущую приму труппы.

Янь Пин, успевший до похищения получить первые уроки грамоты, был не по годам умен. Он даже не пытался бежать. Он понимал: его все равно поймают. Актеры относились к нему мягче, берегли как ценный товар, но за побег наказание последовало бы незамедлительно. Он притворялся послушным, прилежно осваивая сценическое мастерство, пение и пластику. Благодаря кротости и таланту он заслужил благосклонность учителей, и следующие годы прошли в относительном покое.

В тринадцать лет он впервые вышел на сцену. Дебют обернулся оглушительным успехом, и юный актер стал главным сокровищем труппы, принося хозяевам огромные доходы.

А в четырнадцать на него положил глаз местный богатей, решивший выкупить подростка в качестве личной игрушки.

В ту же ночь Янь Пин перерезал насильнику горло и пустился в бега. Когда погоня прижала его к обрыву и надежды уже не оставалось, из ночной тьмы вылетел всадник в алом плаще.

Юноша, похожий на слепящее солнце в беспросветной мгле.

Лицо спасителя в полузабытом сне то проступало с пугающей отчетливостью, то расплывалось, пока окончательно не превратилось в холодный надгробный камень.

Янь Пин резко сел на постели и тут же глухо застонал от пронзительной боли в спине, повалившись обратно на подушки. Он зажмурился от ударившего в глаза яркого дневного света. В сознании все еще стоял призрак прошлого — Вэнь Цзянь, скачущий на коне в своем алом плаще и свободно смеющийся.

— Брат! — Бай Фан, который наотрез отказался уходить на перевязку и всю ночь продежурил у постели, мгновенно вскочил и задернул плотные шторы.

— Брат, — взволнованно зашептал он, склонившись над ним. — Как ты? Сильно болит?

— В порядке, — хрипло отозвался Янь Пин, приходя в себя. Но стоило ему сфокусировать взгляд на Бай Фане, как он изумленно вскинул брови.

Лицо младшего брата распухло от синяков и ссадин, на щеке горел отчетливый багровый след от пощечины. Волосы стояли дыбом, разодранная в клочья одежда была испачкана в грязи и засохшей крови. Несколько пальцев на руках были туго забинтованы — сорванные ногти успели обработать на скорую руку. На бледной шее явственно проступали темные следы чужих пальцев.

Янь Пин никак не ожидал увидеть его в таком состоянии.

— Что с тобой стряслось? — нахмурился он.

Напряжение, державшее юношу последние часы, разом спало, и тело заныло от запоздалой боли. Бай Фан бессильно опустился на край кровати, подался вперед и осторожно уткнулся лбом в здоровое плечо Янь Пина.

— Братец... я так испугался за тебя, — прошептал он.

Почувствовав, как плечо намокает от слез, Янь Пин на секунду замер. Он хотел было оттолкнуть парня, но в последний момент передумал. Он мягко положил руку на взъерошенную макушку Бай Фана, успокаивающе поглаживая.

— Всё позади. Это я оплошал. Больше такого не повторится.

Янь Пин рассчитывал увести похитителей в глубь леса, чтобы обезопасить брата и остальных детей, но никак не думал, что этот упрямец бросится следом за ним под пули.

Бай Фан резко вскинул голову.

— Точно! Врач... Доктор велел сразу же позвать его, как только ты придешь в себя! — Он порывался вскочить, но Янь Пин крепко перехватил его за запястье.

Окинув взглядом его наспех перевязанные раны, старший покачал головой:

— Подождет твой врач. Иди приведи себя в порядок, пусть обработают нормально, и ложись спать.

— Но я...

— Слушай, что тебе говорят, — слабым, но непреклонным тоном перебил его Янь Пин. — Если действительно считаешь меня братом, делай, как велю.

Впервые он так открыто и прямо назвал себя его братом.

Бай Фан застыл, переваривая услышанное, и вдруг просиял, позабыв о ноющей боли на лице. Он счастливо и глуповато улыбнулся.

Когда дверь за юношей закрылась, Янь Пин прикрыл глаза. Огненные волны боли расходились от раны по всему телу. На бледном лице проступила глубокая, несвойственная ему усталость.

Если подумать, каждый жест, каждое слово Бай Фана выдавали его непреходящее одиночество. Семья Бай, объявившаяся всего полгода назад, мало походила на настоящий дом — бесконечные деловые поездки родителей, холодные пустые особняки.

До этого вся жизнь мальчика была сосредоточена вокруг прежнего хозяина этого тела. Обретя богатство, но потеряв душевное тепло, Бай Фан подсознательно искал опору в единственном близком человеке. Для него тихой гаванью, где можно было расслабиться и ничего не бояться, оставался лишь старый проданный дворик семьи Янь и тот, кто всегда был рядом.

Отпустив эти мысли, Янь Пин повернул голову к окну, сквозь щель в шторах наблюдая за пылинками, танцующими в солнечном луче. У него была тайна, о которой не догадывалась даже его Система.

В Великой Юн он прожил не одну жизнь, а две.

В своей первой жизни он был похищен в детстве и обречен на позорную участь актера, пока в четырнадцать лет его не спас Вэнь Цзянь. Юноша выкупил его из труппы, добился исключения из списков «подлого сословия» и помог вернуться в родную семью Янь.

Однако клеймо лицедея не смывалось так просто. Родственники презирали его, отказываясь даже нанять учителей для домашнего обучения. И снова вмешался Вэнь Цзянь: обойдя десятки домов, он нашел старого наставника, который не побоялся взять в ученики бывшего актера. Так Янь Пин получил шанс учиться.

Путь на вершину власти оказался вымощен шипами. Ему пришлось плести интриги, идти по головам и не гнушаться самыми грязными методами, чтобы к тридцати пяти годам занять пост канцлера — второго человека в империи.

А ведь когда-то он мечтал о малом: стать простым уездным судьей, заботиться о людях и жить в покое.

Всё изменилось, когда до него дошли вести с фронта. Придворные интриганы урезали снабжение армии Вэнь Цзяня. Холодной зимой отрезанные от мира воины были вынуждены со слезами на глазах забивать собственных боевых коней, чтобы не умереть от голода. Генерал едва выбрался из той мясорубки живым.

В тот день Янь Пин поклялся подняться на самый верх. Стать самой властью. Сделать так, чтобы больше ни одна тыловая крыса не посмела обречь его генерала на смерть.

Вот только когда он наконец достиг этой цели, его собственные руки по локоть тонули в грязи и крови. Он стал чудовищем, не смеющим осквернить своим присутствием чистого и благородного воина, оставшегося для него недосягаемым светилом.

Получив шанс на вторую жизнь, он первым делом уберег себя от похищения и с ранних лет взял Вэнь Цзяня под свое покровительство. Он выстроил безупречную шахматную партию, уже в двадцать пять лет возглавил министерство и стал великим канцлером... а затем очнулся в этом мире.

Тихий стук в дверь заставил его вынырнуть из глубин памяти. Янь Пин повернул голову.

На пороге палаты стоял капитан Гу Янь в штатском.

— Короткий опрос по форме, — ровным тоном произнес он.

<http://bllate.org/book/18369/1865076>